

ВЛАДИКАВКАЗСКІЯ

СВЯТАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПЕРВОПРЕСВЯТЫЯ ПАПАВЪ ПЕРВООБРАДЪ

ГОДЪ ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МЪСЯЦЪ. 2-й.

Подписка принимается въ редакціи, при Владикавказскомъ духовномъ училищѣ.

Цѣна за годовое изданіе 5 рублей, съ пересылкой.

№ 17-й. 1896 года 1-го сентября.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода

отъ 26 іюня—6 іюля 1896 года, за № 1916, о прославленіи и открытіи мощей святителя **Теодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго.**

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о порядкѣ объявленія во всенародное

извѣстіе объ открытіи мощей святителя Θεодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго. *Приказали:* Для всенароднаго объявленія о предстоящемъ 9 сентября сего года въ гор. Черниговѣ торжественномъ открытіи мощей святителя Θεодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, напечатать въ № 30 «Церковныхъ Вѣдомостей» нижеслѣдующій указъ, предписавъ Московской и Грузино-Имеретинской синодальнымъ конторамъ, синодальнымъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ, протопресвитеру военного и морского духовенства, начальствующимъ лавръ и ставропигіальныхъ монастырей прочесть оный во всѣхъ церквахъ послѣ литургіи въ первый по полученіи настоящаго номера «Церковныхъ Вѣдомостей» воскресный или праздничный день.

Память преосвященнаго Θεодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, со дня его преставленія, послѣдовавшаго 5-го февраля 1696 г. благоговѣнно чтима была въ православномъ народѣ русскомъ, стекавшемся во множествѣ изъ разныхъ мѣстностей Россійской Имперіи въ Черниговскій Борисо-Глѣбскій соборъ къ могилѣ іерарха для принесенія молитвъ о упокоеніи души его, съ упованіемъ на молитвенное ходатайство его предъ Богомъ. Къ почитанію святителя влекли вѣрующіихъ и воспоминанія о высокой подвижнической жизни его, и чудодѣйственныя исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, совершавшіяся при его гробѣ. Рядъ чудесныхъ проявленій благодати Божіей отъ мощей святителя Θεодосія Углицкаго открылся исцѣленіемъ отъ тяжкой болѣзни преемника его по Черниговской кафедрѣ, архіепископа Іоанна Максимовича, впоследствии митрополита Тобольскаго. Благодарный за свое исцѣленіе архіепископъ Іоаннъ составилъ въ честь святителя Θεодосія «похвалу», въ которой называетъ его „земнымъ ангеломъ и святымъ, пребывающимъ въ сераѳимской наствѣ“. По распоряженію же архіепископа Іоанна устроена была въ фундаментѣ Борисо-Глѣбскаго соборнаго храма надъ гробомъ святителя Θεодосія каменная пещера, въ которую около 200 лѣтъ стекаются за благословеніемъ и дарами духовными усердные почитатели святителя Θεодосія. И Господь Богъ, дивный и славный во святыхъ Своихъ, неоскудѣваемо творилъ и нынѣ творить чудеса и являетъ свои благодѣянія предстательствомъ святителя Θεодосія съ вѣрою притекающимъ къ его гробницѣ въ тяжкихъ и неизлѣчимыхъ болѣзняхъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, въ душевныхъ скорбяхъ и нуждахъ житейскихъ. Увѣренность въ святости сего святителя чрезъ совершавшіяся у гроба его чудесныя исцѣленія въ православномъ народѣ возрастала и утверждалась все болѣе и болѣе. О такой увѣренности народа засвидѣтельствовали, между прочимъ, Черто

ниговскій губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Черниговской губерніи за 1889 г., на каковое свидѣтельство благоугодно было обратить свое вниманіе въ Божѣ почившему Государю Императору Александру Александровичу. Въ виду сего Св. Синодъ поручилъ Преосвященному Черниговскому собрату и доставить Синоду свѣдѣнія о жизни и подвигахъ святителя Θεодосія Углицкаго. По полученіи отъ Преосвященнаго означенныхъ свѣдѣній Святѣйшій Синодъ, принявъ во вниманіе, что извѣстія о чудесахъ святителя Θεодосія остаются не вполне дознанными, а между тѣмъ общая увѣренность въ святости сего святителя утверждается все болѣе, нашель благовременнымъ приступить къ необходимымъ распоряженіямъ для удостовѣренія о нетлѣннѣи тѣла святителя Θεодосія и о чудесныхъ дѣйствіяхъ, совершающихся при гробѣ его надъ вѣрующими. Ближайшее обслѣдованіе сего дѣла Святѣйшій Синодъ возложилъ на Преосвященнаго Іоаннікія, Митрополита Кіевскаго, и мѣстнаго Епископа Антонія, которые, присоединивъ къ себѣ викарія Черниговской епархіи Епископа Питирима, ректора черниговской семинарии, члена Кіевской Духовной Консисторіи протоіерея Преображенскаго и двухъ протоіереевъ изъ мѣстнаго соборнаго причта, 5-го іюля 1895 года прибыли въ пещеру при Борисо-Глѣбскомъ храмѣ Черниговскаго кафедральнаго собора и по совершеніи здѣсь панихиды по святителѣ Θεодосіи произвели подробное освидѣтельство гроба, одеждъ и самаго тѣла святителя Θεодосія, при чемъ оказалось, что тѣло святителя Θεодосія благодатію Божіею сохранилось нетлѣннымъ, не смотря на пребываніе 200 лѣтъ въ пещерѣ Борисо-Глѣбскаго храма, не отличающейся притомъ сухостію. Независимо отъ сего Преосвященные Іоаннікіи и Антоній вмѣстѣ съ другими означенными духовными лицами, пригласивъ лицъ, испытавшихъ на себѣ или на своихъ сродникахъ чудесныя исцѣленія заступленіемъ святителя Θεодосія по молитвенномъ призываніи благодатной его помощи, собрали отъ нихъ подъ присягою за рукоприкладствомъ показанія о дѣйствительности совершившихся надъ ними чудотвореній. Такихъ событій было обслѣдовано ими 49, изъ числа коихъ двѣнадцать были въ свое время занесены въ книги кафедральнаго Черниговскаго собора для записи сказаній о чудесахъ святителя.

Синодъ, разсмотрѣвъ во всей подробности и со всевозможнымъ тщаніемъ, всё вышеизложенныя обстоятельства, пришелъ къ полному убѣжденію въ истиннѣ нетлѣннѣи тѣла святителя Θεодосія и въ достовѣрности чудесъ, чрезъ него совершающихся, и, воздавъ хвалу дивному во святыхъ Своихъ Господу Богу, присно благодѣющему твердой въ праотеческомъ православіи Россійской державѣ, и нынѣ, въ дни благо-словеннаго царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Ни-

колая Александровича, какъ древле, благоволившему явить прославленіемъ іерарха церкви Россійской новое и великое знаменіе Своихъ къ ней благодѣяній, подносилъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изъяснилъ слѣдующее мнѣніе. 1) во блаженной памяти почившаго Θεодосія, архіепископа Черниговскаго, причислить къ лику святыхъ, благодатию Божіею прославленныхъ, и нетлѣнное тѣло его признать святыми мощами; 2) службу святителю Θεодосію составить особую, а до времени составленія таковой отправлять ему службу общую святителямъ; память же святителя праздновать какъ въ день преставленія его, 5 февраля, такъ и въ день, который Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ назначить для открытія мощей святителя, и 3) объявить о семъ во всенародное извѣстіе указами Синода. При докладѣ семь представлены были на Монаршее усмотрѣніе подлинный актъ освидѣтельствованія мощей святителя Θεодосія, краткое описаніе случаевъ чудодѣйственной помощи прибѣгавшимъ въ болѣзняхъ и несчастіяхъ къ его заступленію и краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности святителя Θεодосія. На всеподданнѣйшей запискѣ Оберъ-Прокурора, при коей былъ повергнутъ на Высочайшее Государя Императора благовозрѣніе вышеупомянутый всеподданнѣйшій докладъ Синода, Государь Императоръ въ 13-й день апрѣля сего года соизволилъ собственноручно начертать: „Согласенъ. Прочелъ съ умиленіемъ“. При этомъ г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ всеподданнѣйше было доложено, что торжество открытія мощей святителя Θεодосія было бы, по мнѣнію Синода, благовременно совершить въ первой половинѣ сентября настоящаго года.

Во исполненіе изъясненной Высочайшей воли, Святѣйшій Синодъ по опредѣленію 19—24 іюня 1896 года постановилъ поручить Преосвященному Іоанникію, Митрополиту Кіевскому, совершить совместно съ Преосвященнымъ Черниговскимъ Антоніемъ торжественное открытіе мощей святителя Θεодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, а для торжества сего назначить 9-й день сентября текущаго года.

Синодъ возвѣщаетъ о семъ благочестивымъ сынамъ православной церкви, да кунно съ нимъ воздадутъ славу и благодареніе Господу, тако изволившему, и да примутъ сіе явленіе новаго заступника и чудотворца, яко новое небесное благословеніе на царствованіе Августѣйшаго Монарха нашего, подъемлющаго неусыпные труды ко благу православнаго народа русскаго и своею царскою любовью и попеченіемъ объемлющаго всѣхъ своихъ вѣроподданныхъ всякаго званія и состоянія.

Высочайшее пожертвованіе.

Ея Императорское Величество, Государыня Императрица Марія Теодоровна соизволила пожертвовать на устройство пріюта для про- каженных въ ст. Александрійской 400 р.; по сообщеніи о семъ Высо- чайшемъ пожертвованіи жителямъ станицы, по просьбѣ послѣднихъ, движимыхъ глубочайшею благодарностью къ Государынѣ Императрицѣ, тотчасъ же отслуженъ былъ молебенъ о здравіи и долгоденствіи Ея Императорскаго Величества.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Вакантными состоятъ мѣста: а) *священническое* при Петро- Павловской церкви *острова Чечень*; и *псаломщическія*: 1) въ ста- ницахъ—*Александро-Невской*; 2) *Заканг-Юртовской* и въ селені- яхъ—3) *Садоно-Нузальскомъ*; 4) *Ардонскомъ* и 5) *Нарскомъ*.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владимиръ, Епископъ Вла- дикавказскій и Моздокскій прибудеть въ г. Владикавказъ 2 сентября, послѣ обозрѣнія церковей Дагестанской области.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Религія и народность, какъ основы воспитанія *).

Наше отечество въ настоящую пору проявляетъ особенно серьезную и выдающуюся ревность въ дѣлѣ улучшения и развитія народнаго образованія. Издаются законы, составляются программы, преподаются совѣты относительно тѣхъ или иныхъ типовъ школы, методовъ образованія и воспитанія. Общество, по мѣрѣ силъ и возможности, старается прийти на помощь правительству и церкви въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію здѣсь, какъ впрочемъ и во всемъ человѣческомъ, дѣлается не мало промаховъ, преподается не мало дурныхъ совѣтовъ, частью по невѣдѣнію, а иногда и съ скрытою неблагонамѣренною цѣлью. Одинъ изъ самыхъ дурныхъ совѣтовъ, — правда совѣтъ рѣдко высказываемый откровенно, — это сдѣлать нашу школу свободной отъ вліянія религіи и поставить ее выше требованій народности. Основаніемъ такому положенію дѣла выступаютъ то, что школа должна — дескать — быть государственной, а наше государство состоитъ не только изъ православныхъ христіанъ, но въ него входятъ и раскольники, и католики, и лютеране, и магометане, и язычники, а съ другой стороны, и по народности русское государство не принадлежитъ — дескать — однимъ русскимъ, но гражданами его состоятъ и поляки, и евреи, и татары и многое множество другихъ инородцевъ. Авторъ предлагаемой здѣсь статьи доказываетъ, что мы — русскіе, получивъ въ наслѣдіе отъ нашихъ отцовъ то, что ими добыто кровію и что нынѣ именуется русскимъ государствомъ, не можемъ и не должны имѣть иного образованія, иной школы, кромѣ православно-христіанской русской школы, ибо православно-христіанская школа есть школа совершеннѣйшая вообще и въ частности лучшая для насъ русскихъ, такъ какъ понятія „русской школы“ и „православной школы“ не исключаются, а напротивъ дополняютъ другъ друга. Теперь перейдемъ къ самой статьѣ „религія и народность, какъ основы воспитанія“.

*) Изъ журн. «Труды Кіевской Духов. Акад.» за 1895 г. № 11-й.

Еще Аристотель высказалъ положеніе, что особенная заботливость законодателя должна быть направлена на воспитаніе юношества. Вопросъ о воспитаніи и теперь стоитъ на той же высотѣ вопроса государственной важности, и теперь онъ трактуется во всѣхъ государствахъ міра съ интересомъ и нерѣдко съ увлеченіемъ. Дѣйствительно, воспитаніе есть одна изъ тѣхъ могучихъ силъ, которыя даютъ извѣстное направленіе жизни общества и цѣлаго государства. Многіе недостатки нашей жизни справедливо приписываются неправильному воспитанію; многія печальныя стороны текущей жизни современнаго общества имѣютъ своею причиною воспитаніе. На какихъ же началахъ должна быть построена наша школа и вообще все дѣло нашего русскаго воспитанія, чтобы общество и государство получали отъ нихъ не слабыхъ, умственно и нравственно-беспомощныхъ, а здоровыхъ и бодрыхъ членовъ своихъ? Педагогика, или наука о воспитаніи, должна имѣть свои основы или начала, оправдывающія или осуждающія то или другое направленіе въ воспитаніи. Первою и главною основою педагогики должна быть этика или идеи нравственныя, которыми начертывается необходимый для воспитанія идеаль чловѣка. Но этика безъ помощи религіи не въ состояніи привести чловѣка къ его идеалу, конечному назначенію. Уже въ глубокой древности у разныхъ историческихъ народовъ, какъ-то: китайцевъ, индусовъ, персовъ, египтянъ и пр. воспитаніе всегда стояло въ тѣсной связи съ религіей. Лучшие представители древняго міра Грековъ и Римлянъ ясно высказывали ту мысль, что только въ религіи — надежный оплотъ нравственности. Дѣйствительно, только религія способна дать нравственности непоколебимую основу и освятить самымъ высшимъ авторитетомъ ея предписанія и законы, поэтому не этика сама по себѣ, а этика религіозная можетъ и должна дать первую основу воспитанію, — указать идеаль чловѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣль воспитанія. Хотя воспитаніе въ древнемъ мірѣ находилось въ связи съ религіей, но послѣдняя, какъ само — созданіе чловѣческое, была бессильна указать ему истинно — доброе направленіе. Обладая недостатками, свойственными вообще произведеніямъ чловѣческимъ, древнія языческія религіи прививали эти недостатки путемъ воспитанія и юнымъ поколѣніямъ. Такъ, древніе китайцы все воспитаніе строили на тѣхъ началахъ, какими жила китайская семья и все государство, рассматриваемое какъ одна великая семья; персы на первомъ планѣ воспитанія ставили доблести воина и тѣлесную силу, египтяне — рабское повиновеніе жрецамъ и установленнымъ ими обычаямъ. Древніе греки воспитательный идеаль основывали на красотѣ — тѣлесной и духовной и конечною задачею воспитанія ставили — сдѣлать тѣло чловѣка прекраснымъ обликомъ столь же

прекрасной души. Суровые, трезво-разсудочные римляне въ основу воспитанія полагали практическую пользу въ разнообразныхъ ея видахъ. Но всѣ эти идеалы, даже и идеаль древне-греческаго воспитанія, не могутъ быть мѣриломъ достоинства и назначенія человѣка вообще. Чистой идеи человечества, идеи человѣческой личности не знали ни греки, ни римляне. Понять и оцѣнить величїе духа человѣческаго, его высокое личное значеніе не могла ни древняя религія, ни древняя философія, какъ произведенія человѣческія. Только съ явленіемъ въ міръ Христа Спасителя открывается истинное достоинство и значеніе человѣка въ немъ самомъ, а не внѣ его; только въ христіанствѣ, съ его идеею свободной, равноправной человѣческой личности, могла быть найдена и истинная цѣль воспитанія. Нужно воспитывать не негоціантовъ, солдатъ механиковъ, моряковъ, врачей, юристовъ, а *людей* въ истинномъ смыслѣ слова. Христіанство дало мысль, что нужно воспитывать *человѣка* — вотъ вполнѣ достойный идеаль воспитанія. Но что такое *человѣкъ*? въ чемъ состоитъ назначеніе его, и что должно быть главною задачею воспитанія? Руссо, Дистервегъ, графъ Л. Толстой и др. единственно-вѣрнымъ путемъ воспитанія полагаютъ — предоставить человѣка свободному развитію силами самой природы. Но такъ какъ въ природѣ человѣка вмѣстѣ съ стремленіемъ къ добру съ neodолимое влеченіе и ко злу, то „естественный человѣкъ“ съ естественными достоинствами и пороками едва ли серьезно можетъ быть выставлемъ идеаломъ воспитанія. Другіе руководящимъ началомъ воспитанія и цѣлю его считаютъ гуманность или человѣчность; но понятія о гуманности слишкомъ не ясно и неопредѣленно. Идеаль *человѣка*, а слѣдовательно и идеаль воспитанія *человѣка* можетъ быть указанъ и раскрытъ во всей полнотѣ и ясности только христіанствомъ, какъ первымъ давшимъ идею истиннаго *человѣка*. Человѣка новаго, благодатнаго царства не могутъ уже удовлетворить самыя возвышенныя идеалы земли; не должно быть границъ на пути его нравственнаго возрастанія; совершенство Самого Отца небеснаго — вотъ послѣдняя ступень его нравственныхъ вождельній: отдать всѣ силы свои, посвятить всю жизнь свою усовершенствованію своей личности и приближенію къ этому идеалу — вотъ конечное призваніе и назначеніе человѣка христіанскаго міра. Выше этого не можетъ идти никакая мысль человѣческая, никакое желаніе. Мало того. Въ христіанствѣ ясно обозначенъ и самый путь къ этому высокому идеалу и даны средства приближенія къ нему. Путь этотъ намъ открытъ въ ученіи евангельскомъ, а возможность и доступность идти всякому этимъ путемъ подтверждена живымъ нагляднымъ примѣромъ Самого Того, Который указалъ этотъ путь. Но и этого мало. Идущему къ идеалу по

пути евангельскому дарованы въ помощь и обильныя, многоразличныя средства, которыми владѣетъ великая воспитательница—христіанская церковь. Итакъ, единственно—истинная, христіанская этика указываетъ, что нужно воспитывать не человѣка вообще, а *человѣка христіанина*, т. е. неуклонно стремящагося къ осуществленію въ своей личности высокаго идеала, даннаго Христомъ Спасителемъ.—Вторую основую педагогики должна служить психологія; она должна подтвердить, что идеаль воспитанія, указанный этикою, не только не чужды природѣ питомца, но прямо отвѣчаетъ ея запросамъ и силамъ. Дѣйствительно, природа человѣка сама въ себѣ заключаетъ извѣстный идеаль, и дѣло педагога не сочинять его, а только понять и способствовать его процванію. Въ душѣ человѣка отъ природы заложены силы и стремленія до противоположности различныя по своей нравственной цѣнности. Задача воспитателя—развить, выростить начала добрыя, силы высшія, инстинкты благородныя и если не изгладить, то по крайней мѣрѣ смягчить, затушевать все низменное, эгоистическое по самой природѣ своей. А такъ какъ религіозный элементъ, стремленіе къ безвѣчному составляетъ самую лучшую и благороднѣйшую потребность человѣка, то и въ воспитаніи ему должно быть отведено первое мѣсто. Ни умъ, ни чувствительность, ни нравственная дѣятельность, руководимая одною совѣстію, ни чувство, съ его стремленіемъ къ прекрасному, не могутъ обойтись безъ руководства религіи. Религія христіанская и ничто другое служитъ руководителемъ во всѣхъ областяхъ духовной жизни человѣка. По этому никакая другая основа не можетъ замѣнить религіи въ воспитаніи; внѣ христіанства нѣтъ истинныхъ путей воспитанія.—Но такъ какъ истинная религія христіанская одна, то слѣдуетъ ли допустить, чтобы идеаль, методы и приемы воспитанія были совершенно одинаковы для всѣхъ людей, для всѣхъ народовъ? Можно ли воспитывать человѣка внѣ связи его съ націей, съ народомъ? Можно ли воспитать христіанина безъ всякаго отношенія къ его вѣроисповѣданію христіанскому? Отвѣтить на эти вопросы можно только послѣ уясненія того значенія, какое принадлежитъ въ жизни человѣка *началу народности*.

Народность въ широкомъ смыслѣ слова означаетъ совокупность всѣхъ тѣхъ особенныхъ свойствъ, въ которыхъ выражается характеръ народа, которыя даютъ ему, такъ сказать, индивидуальный обликъ. Самымъ лучшимъ выразителемъ существа народа является его языкъ. Когда исчезаетъ народный языкъ,—народа нѣтъ болѣе. Но не языкъ составляетъ сущность народности,—онъ только средство для выраженія духа народа. Сущность народной личности заключается въ особомъ складѣ

или строе духовныхъ силъ и духовной жизни человѣка. Каждому культурному народу присущи общечеловѣческіе интересы, стремления, идеалы, но они у каждаго народа являются въ особомъ индивидуальномъ строе. Согласно особымъ расположеніямъ и склонностямъ народа, одни изъ нихъ выдвигаются на первый планъ, болѣе развиваются и становятся главными руководителями въ исторической жизни народа, а другіе какъ бы отодвигаются назадъ, становятся въ тѣни. Самая высшая идеальная сторона народной личности заключается въ религіи, такъ что о достоинствѣ народной личности всего вѣрнѣе можно судить по чертамъ религіознаго міровоззрѣнія народа. Даже откровенныя истины христіанства, имѣющія вселенское значеніе, воспринимаются и усваиваются народомъ сообразно съ его силами и способностями. Всѣ означенные элементы народности, т. е. языкъ, извѣстный строй стремленій и идеаловъ — религіозныхъ, этическихъ, научныхъ, эстетическихъ, социальныхъ и др., сплачиваютъ во едино миллионы отдѣльныхъ личностей, возбуждаютъ въ нихъ любовь къ родинѣ, ко всему родному и создаютъ великое чувство народности. Народъ живетъ историческою жизнью до тѣхъ поръ, пока въ немъ живы начала его самобытности, и чѣмъ крѣпче эти начала, тѣмъ рѣзче выражается народная личность, тѣмъ долговѣчнѣе народъ. Поэтому въ народности дана великая сила жизненности каждаго отдѣльнаго народа; въ ней же заключается и принципъ жизни общечеловѣческой. Всѣ самыя высокіе общечеловѣческіе идеалы не могутъ жить и дѣйствовать внѣ связи съ народностью: оторванные отъ народной почвы, они остаются холодными, отвлеченными идеями, ничего не говорящими нашему сердцу. Принципъ народности не только не исключаетъ идеаловъ и задачъ общечеловѣческихъ, но самъ ведетъ къ достиженію ихъ. Такъ, основная заповѣдь христіанства о любви ко *всѣмъ* людямъ можетъ быть осуществлена всего лучше сознательнѣе и плодотворнѣе при началѣ народности; только сердце, согрѣтое любовью къ своему родному, народному, можетъ возвыситься до уваженія и любви и ко всему человѣчеству. Любить всѣхъ людей безъ различія своего и чужого — эта отвлеченная идея можетъ выродиться въ холодное равнодушіе къ чужому и къ своему. Человѣкъ прямо чувствуетъ потребность въ болѣе осязательныхъ объектахъ любви и имѣетъ ихъ въ своей семьѣ, въ своемъ народѣ, въ своемъ отечествѣ. И христіанство своею заповѣдію о всеобщей любви не разрушаетъ законной связи человѣка съ людьми ближайшими ему, а напротивъ — освящаетъ и укрѣпляетъ ее. Особенности началъ народности должны естественно отразиться и на воспитаніи; у каждаго народа оно должно идти своею дорогою. Дѣйствительно, не смотря на единство христіанскихъ началъ, мы находимъ, что и въ наше время задачи воспитанія у всѣхъ культурныхъ народовъ различны.

Такъ, склонность къ отвлеченію и систематизація — отличительная черта нѣмецкаго народа — выразилась въ нѣмецкомъ воспитаніи, преслѣдующемъ на первомъ планѣ всесторонность познаній, а не развитіе и укрѣпленіе характера. Напротивъ, характеръ, привычка владѣть и управлять собою — составляютъ высшій идеаль англійскаго воспитанія. Совершенствованіе въ техническихъ областяхъ знанія, составляющихъ гордость, питающихъ тщеславіе Франціи, — составляютъ, повидимому, идеаль французскаго воспитанія, вполне отвѣчающій элегантноси, внѣшнему блеску француза. Отсюда ясно, что каждый народъ выработалъ свой идеаль воспитанія, отвѣчающій особенностямъ его характера, что всякое воспитаніе тогда только прочно, когда оно идетъ *согласно* съ коренными началами жизни народной, а не *мимо* этихъ началъ или, что еще хуже, не *въ разрѣзъ* съ ними. Къ счастью каждый народъ инстинктивно, бессознательно стремится идти здѣсь своею дорогою, и только какія нибудь особенно неблагоприятныя обстоятельства могутъ сбить его съ его естественнаго пути. Но этотъ путь нужно освѣтить, нужно сознательно провести начало народности въ дѣло воспитанія, чтобы послѣднее не шло ощупью, наугадъ, съ возможностью колебаній, заблужденій. Итакъ, идеаль воспитанія нельзя ставить только *человѣка — христіанина*, безъ болѣе осязательнаго, національнаго уясненія этого идеала. Слѣдовательно, задачею нашего русскаго воспитанія должно быть воспитаніе *человѣка и христіанина русскаго*. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что именно у насъ — русскихъ до сихъ поръ въ дѣлѣ воспитанія не во всемъ твердо чувствуется національная почва подъ ногами. Вотъ уже два вѣка мы гонимся за культурою запада, налету заимствуя оттуда все, а между тѣмъ, къ своему родному высказываемъ странное, противоестественное равнодушіе. Развитой, интеллигентный русскій человѣкъ имѣетъ самую слабую связь съ родною русскою жизнью, съ ея бытомъ и обстановкою, со всѣмъ ея укладомъ; онъ высказываетъ прямое и даже какое-то упрямое нежеланіе ближе познакомиться съ своимъ роднымъ. Эта же черта замѣтна и въ нашемъ общественномъ воспитаніи. Справедливо замѣчаютъ, что по той программѣ, по которой мы воспитывали и образовывали себя, можно съ одинаковымъ удобствомъ воспитать и китайца, и японца, и всякаго инородца. Такое положеніе дѣла явилось, впрочемъ, какъ результатъ историческихъ условій: не сами мы создавали наши первыя школы, не мы ими руководили долгое время и потомъ. Кого не было въ нашей школѣ учителями? За греками, нашими первыми учителями, явились выходцы изъ латинскихъ школъ. Съ Петромъ Великимъ начинается наплывъ западныхъ иностранцевъ, а въ недавнее время было нашествіе австрійскихъ чеховъ. Отсюда не удивительно, что русскій элементъ въ нашей

школъ плохо развитъ; но съ измѣненіемъ историческихъ условій, необходимо должно измѣнить и самое воспитаніе и поставить его твердо на народныхъ началахъ. Въ чемъ же состоятъ главныя, существенныя черты нашей народности? Не политическій, не научный, не эстетическій, даже не формально этический, а религіозно-нравственный идеалъ составляетъ отличительную, характерную черту русскаго народа; инстинктъ религіозно-нравственнаго самосохраненія, стремленіе сберечь, *спасти свою душу*—является въ русскомъ типѣ преобладающимъ. Въ душѣ русскаго народа заложена Творцомъ, какъ самая характерная черта его, жажда религіозной истины, ясно сказавшаяся въ нормальныхъ явленіяхъ, такъ равно и въ искаженіяхъ ея. Первымъ актомъ свободнаго исканія религіозной истины было самое принятіе христіанства вслѣдствіе неудовлетворенности язычествомъ. Найдя въ Евангелии полное удовлетвореніе своимъ существеннымъ потребностямъ, русскій народъ всѣми силами старается сохранить это сокровище въ чѣлости и, слишкомъ боясь поврежденій и искаженій въ немъ, даже переходитъ границы долгаго, вызывая расколъ старообрядства. Въ то время какъ французъ говоритъ о *прекрасной* Франціи и о французской *славы*, англичанинъ съ любовью отзывается о *старой* Англии, а нѣмецъ съ гордостью превозноситъ нѣмецкую *честность*, русскій народъ свою благоговѣйную любовь къ родинѣ выражаетъ словами: *святая* Русь. А Русь святою дѣлаетъ вѣра отцовъ ея, полученная изъ Византіи. Дѣйствительно, ни католицизмъ, съ его абсолютизмомъ и отрицаніемъ личной свободы, ни протестантизмъ, съ его полнымъ подчиненіемъ авторитета церкви личной свободѣ, не могутъ удовлетворить религіозныхъ потребностей русской души. Только православіе, ясно раздѣляющее области Божескую и человѣческую, отвѣчаетъ всему складу русскаго народа, пропущеннаго широкою терпимостію и смиреніемъ и преисполненнаго благодушія и гуманности. Поэтому—то православіе и дороже для него всего на свѣтѣ. На этой—то коренной чертѣ русскаго народа и должна быть основана русская національная система воспитанія. Если всякая истинная педагогика должна быть христіанскою, то наша русская педагогика должна быть христіанско—православною по преимуществу. Созидаясь на этой первой національно-христіанской основѣ, наша система воспитанія должна быть и по всему своему построенію національно-русскою. Она должна направляться къ развитію, прежде всего, *своихъ, русскихъ* силъ въ питомцѣ. Поэтому въ ней на видномъ мѣстѣ должно быть поставлено все то, что знакомитъ и сближаетъ юное развивающееся поколѣніе съ его великою родиною. Это—родной языкъ, наша родная словесность, русская исторія, русская географія, наше русское право, зачатки нашей философіи, наше искусство и т. д. Вообще,

родинолюбивіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова должно проникать всю систему нашего воспитанія, отъ начала и до конца ея.

Авторъ заканчиваетъ свою рѣчь такъ: „Держаемъ вѣрить и надѣяться, что настанетъ время, когда и наша жизнь и наша школа твердо станутъ на этихъ— *своихъ, родныхъ*, а потому истинно благотворныхъ— началахъ нашей вѣры православной и нашей русской народности вообще“.

Селеніе Хумалагъ.

Недавно произошло у насъ событіе, замѣчательное и рѣдкое въ жизни осетинъ, а именно—примиреніе кровниковъ. Лѣтъ 13-ть тому назадъ нѣкто Ц—въ похитилъ дѣвицу у К—выхъ. Подобныя похищенія въ Осетии—явленіе обыкновенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вредно влияющее на основы семейной и нравственной жизни осетинъ и почти всегда влекущее за собою кровавыя столкновенія. Такъ случилось и въ данномъ случаѣ. Не прошло и двухъ дней послѣ похищенія, какъ обиженные К—вы убиваютъ брата похитителя Ц—ва. Началось судебное слѣдствіе, а потомъ судъ, кончившійся тѣмъ, что убійца К—въ понесъ заслуженное наказаніе. Но съ этимъ дѣло не прекратилось. Кровавый обычай побуждаетъ Ц—выхъ отомстить К—вымъ. Ц—вы при всякомъ случаѣ внимательно слѣдятъ за К—выми съ тѣмъ, чтобы кому нибудь изъ нихъ пустить пулю въ сердце, не обращая вниманія на то, что самъ убійца К—въ уже подвергся карѣ закона и даже, наконецъ, на смерть убійцы (К—въ послѣ преступленія чрезъ годъ умеръ). Въ такомъ положеніи Ц—вы и К—вы прожили добрыхъ 13 лѣтъ. Провидѣніе однако сохранило К—выхъ, они остались цѣлыми и невредимыми. Конечно, многое сдѣлали для этого и сами К—вы: оне не ходили по тѣмъ улицамъ, гдѣ ходили кровники ихъ Ц—вы, не ходили даже въ церковь, если кто нибудь изъ кровниковъ бывалъ тамъ; поэтому Ц—вы и не могли привести въ исполненіе свой умыселъ.

Представители всѣхъ осетинъ собирались нѣсколько разъ съ цѣлю примирить враговъ, но чего не могли достигнуть сами по себѣ примирители, то совершилось подъ влияніемъ времени, а еще скорѣе—подъ влияніемъ все болѣе и болѣе проникающихъ въ жизнь осетинъ христіанскихъ началъ. Обиженные Ц—вы уже не такъ строго стали слѣдить за своими кровниками, понявъ, что месть возбраняется христіанскою религіею, что она свойственна только дикимъ племенамъ, гдѣ братъ охотно поднимаетъ свою руку на брата только для того, чтобы похвалиться кровавымъ дѣломъ передъ своими женами. Все это часто объяснялось и мѣстнымъ причтомъ. Наконецъ, въ маѣ этого года хумалагскіе старики опять принялись за примиреніе кровниковъ и успешно исполнили свою задачу: тринадцатилѣтніе кровники—враги окончательно примирились.

Дай Богъ, чтобы этотъ примѣръ хумалагцевъ оказалъ доброе влияніе и на другія осетинскія общества и чтобы злоба и месть, ради обычая, среди горцевъ—христіанъ смѣнилась миромъ и любовью.

Діаконъ А. Албеговъ.

Къ ст. „Краткій очеркъ стан. Бороздинской“ *).

Въ дополненіе къ означенной статьѣ бывшимъ священникомъ ст. Бороздинской, нынѣ священникомъ ст. Архонской о. А. Молчановымъ прислано въ редакцію слѣдующее сообщеніе.

Хотя приходъ ст. Бороздинской малочисленъ и не богатъ самъ по себѣ, зато онъ имѣетъ хорошій источникъ доходовъ съ земли, отдаваемой бороздинцами тушинцамъ въ аренду подъ пасьбу баранты. Но памятный для бороздинцевъ 1863-й годъ принесъ имъ много бѣдъ, затопивъ ихъ усадьбы и дома, что значительно подорвало ихъ благосостояніе и заставило многихъ изъ нихъ перебраться въ степь, перевозя туда свое добро на каюбахъ. Прорывъ Терека случился 16-го августа, а вода въ станицѣ стояла до апрѣля слѣдующаго года. Вслѣдствіе размягченія грунта станичный храмъ тогда значительно осѣлъ съ сѣверной стороны и представлялъ изъ себя печальное зрѣлище, вполнѣ, впрочемъ, соотвѣтствовавшее остальнымъ полуразрушеннымъ, общественнымъ и частнымъ, станичнымъ строеніямъ. Само собой понятно, что послѣ подобнаго несчастья станичники долго не могли и сами оправиться, а тѣмъ болѣе позаботиться объ исправленіи своего храма. Правда, на этотъ предметъ собирались ими деньги и матеріаль, но дѣло все таки не спорилось и не доводилось до конца: потолкуютъ между собой на сборѣ старики и разойдутся ни съ чѣмъ.

Въ 1882-мъ г. нашу станицу и храмъ посѣтилъ преосвященный Германъ. Властное слово архипастыря и его отеческій призывъ позаботиться о домѣ Божіемъ такъ подѣйствовали на прихожанъ, что они тутъ же дали слово поправить храмъ, и съ того времени работа закипѣла. Былъ найденъ подрядчикъ, которому станичное общество поручило полный ремонтъ храма за 4 тыс. рублей. Ремонтъ по условію состоялъ въ слѣдующемъ: нужно было поднять осѣвшій храмъ, вновь обшить его досками, покрыть новымъ желѣзомъ, увеличить размѣръ и число оконъ, исправить двери, рамы, полы и т. п. Такъ 1882-й годъ принесъ намъ великую радость—храмъ нашъ былъ возстановленъ даже въ лучшемъ видѣ, чѣмъ какимъ онъ былъ до прорыва Терека. И мы всѣ воздали хвалу Богу за то, что Онъ, Милосердный, помогъ намъ облагородить храмъ снаружи. Предстояла еще работа привести его въ должный порядокъ и внутри. Здѣсь отъ времени все пришло въ крайнюю ветхость: иконы въ иконостасѣ, кромѣ нижняго яруса, не имѣли уже ви-

*). Напеч. въ №№ 14—15 «Владик. Епарх. Вѣд.» за текущій годъ.

да, такъ что трудно было даже разсмотрѣть лица изображенныхъ на нихъ св. угодниковъ Божіихъ, при чемъ и самый размѣръ иконъ былъ очень малъ; паникадила и подсвѣчники почернѣли и погнулись, остальная церк. утварь и одежды были не въ лучшемъ состояніи; словомъ, все вообще внутренняя обстановка храма далеко не гармонировала съ обновленнымъ его наружнымъ видомъ. Это ясно видѣли всѣ станичники, и у нихъ окончательно созрѣла мысль о необходимости и внутренней ремонтнровкѣ храма. Прежде всего нужно было устроить новый иконостасъ. Такъ какъ послѣ внѣшней отдѣлки оставалась нѣкоторая сумма денегъ, а потомъ и еще кое-что было собрано, то я обратился къ начальнику отдѣла, также принимавшему близко къ сердцу заботы о благолѣпіи храмовъ Божіихъ, прося его помочь общему дѣлу. По его приглашенію явился изъ Астрахани иконостасный мастеръ, нѣкто Моисеевъ, извѣстный тогда своими работами, и съ нимъ мы заключили контрактъ на устройство иконостаса въ 3400 р.; а чрезъ годъ нашъ храмъ уже и украсился новымъ иконостасомъ хорошей работы и живописи. Тѣмъ же временемъ исправили паникадила, подсвѣчники, обновили свещ. сосуды и остальную церковную утварь, привели въ порядокъ внутреннія стѣны, и нашъ храмъ къ общей радости всей станицы принялъ такой видъ, что мы съ тайной гордостью смѣло могли говорить: „наша церковь лучшая въ благочиніи“. И теперь, по прошествіи уже 13 лѣтъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю о той работѣ, тревогахъ и волненіяхъ, которыми сопровождалось обновленіе бороздинскаго храма, а еще болѣе — о томъ горячемъ и дружномъ участіи, какое бороздинцы оказывали этому святому дѣлу.

16-го августа 1896 года
ст. Архонская.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Т о л ь к о ч т о в ы п у щ е н а

О С Е Т И Н С К А Я

подвижная на картонѣ

А З Б У К А

цѣна 20 коп.

(Алфавитъ заглавныхъ и строчныхъ вмѣстѣ 35 к.)

Продается въ магазинѣ канцелярскихъ принадлежностей и учебныхъ пособій
Шувалова, во Владикавказѣ

СОДЕРЖАНІЕ: Часть официальная. I. Опреѣленіе Св. Синода. о прославленіи и открытіи мощей святителя Θεодосія Углицкаго, арх. Черниговскаго. II. Высочайшее пожертвованіе. III. Вакантныя мѣста. IV. О прибытіи въ г. Владикавказъ Преосвященнаго Владимира, Епископа Владикавказскаго и Моздокскаго. Часть неофициальная I. Религія и народность, какъ основы воспитанія. II. Сел. Хумалагъ. III. Къ ст. «Краткій очеркъ станицы Бороздинскоѣ». IV. Объявленіе.

Редакторъ преподаватель духовнаго
училища **В. Ивановъ.**